

В.Г. НИКОЛАЕВ

МНОГОМЕРНЫЕ И РЕДУКЦИОНИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ В ЧИКАГСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: СЛУЧАЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ

В статье рассматривается развитие человеческой экологии как важного компонента чикагской социологической традиции. Разные ее версии анализируются под углом зрения их пресуппозиционных оснований. Общая социологическая схема соотнесения Р.Э. Парка трактуется как многомерная пресуппозиционная матрица и берется как точка отсчета для анализа позднейших версий человеческой экологии. В развитии человеческой экологии выделяются две основные линии. Первая из них (Л. Вирт и Э.Ч. Хьюз) характеризуется сохранением многомерной схемы соотнесения и инкорпорацией человеческой экологии в социологию в качестве одной из перспектив. Вторая (Р.Д. Маккензи, Дж.А. Куинн, Э. Хоули) характеризуется постепенным превращением человеческой экологии сначала в дисциплину, а затем в парадигму; демонстрируется, как это превращение обеспечивается редукцией многомерности, заложенной в исходной схеме Парка.

Ключевые слова: чикагская социологическая традиция, человеческая экология, схема соотнесения, пресуппозиции, многомерность, редукция.

В условиях колоссального накопления социологического знания и его крайней плюрализации и фрагментации возникает резонный интерес к его систематизации, хотя бы частичной, которая давала бы целостное видение предметной области, проясняющее соотношения между ее аспектами, и синоптическое видение социологического знания, проясняющее связи между его обособившимися фрагментами. Наиболее масштабные попытки такой систематизации были предприняты в конце XX в. Дж. Александером¹ и Р. Мюнхом² (см. [8] и [9]). Обе начались с реконструкции теории Парсонса и, приняв эту реконструкцию как

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии ГУ–ВШЭ. Адрес: 125319, Москва, Кочновский пр., д. 3, факультет социологии ГУ–ВШЭ. Телефон: (499) 152-02-31. Электронная почта: vnik1968@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках индивидуального исследовательского проекта № 08-01-0051 «Теоретическая логика в чикагской социологической традиции: многомерность и редукция в различных версиях человеческой экологии», выполненного при поддержке Научного фонда ГУ–ВШЭ.

¹ В серии публикаций, начатой четырехтомной «Теоретической логикой в социологии» (1982–1983).

² В серии публикаций, начатой книгой «Теория действия» (1982).

предельно вместительную «систему координат», продолжились переинтерпретацией классических и современных теорий и подходов и инкорпорацией их в заданный этой системой координат теоретический синтез. В обеих попытках бросается в глаза выведение за скобки чикагской социологической традиции. Если чикагские социологи и попадают в поле зрения, то лишь выборочно и в связи с их частными вкладами³. Такие ключевые фигуры, как У.А. Томас, Р.Э. Парк, Э. Бёрджесс, Р.Д. Маккензи, Л. Вирт, Э.Ч. Хьюз, Э. Хоули, обделяются вниманием. Если учесть огромный авторитет и «вес» чикагской традиции⁴, ее значимость для американской социологии, ее необыкновенную живучесть и рост интереса к ней в последние десятилетия⁵, эта недопредставленность вызывает вопросы.

Социологии чикагцев, конечно, противятся систематизации. Хотя они скреплены некоторым набором общих посылок, они не образуют очевидной теоретической системы. Для чикагцев изначально характерно осторожное и даже открыто негативное отношение к систематическому теоретизированию как особому занятию; ключевые теоретики этой традиции не оставили после себя систематических трактатов. Чикагские теории латентны и нуждаются в кропотливой реконструкции [10, 11, 30, 35, 49–52, 59, 81]. Часто эти теории называют «эклeктичными», и само это определение ставит на них крест. Но они не хаотичны; им свойственна внутренняя упорядоченность, своя особая логика. Последняя, связанная с их *прагматистскими основаниями* [56, 78], делает их предельно неудобными объектами для систематизаций, имеющих парсонсианскую подоплеку⁶. Чикагцы, начиная с Р.Э. Парка, нацеливались на синтез, явно *альтернативный* парсонсианскому: не синтез аналитических категорий до и помимо эмпирических наблюдений, а синтез аналитических категорий друг с другом и

³ Дж. Александер включает в свой синтез только блумеровскую теорию «коллективного поведения». Р. Мюнх включает в сводные таблицы «американской сети социологической теории» лишь Дж. Г. Мида, теорию символического взаимодействия Г. Блумера, теорию «обговариваемого порядка» А. Стросса и отдельные «теории» (прежде всего девиации и клеймения) Э. Гоффмана, Г.С. Беккера, Э. Лемерта, Д. Матцы и Р. Тёрнера [64, р. 314, 315, 318, 320, 322].

⁴ Больше половины президентов АСА со дня ее основания до 1971 г. были сотрудниками или выпускниками Чикагского университета [58, р. 94–95].

⁵ Библиография новейшей критической литературы о чикагской социологии превысила бы во много раз по объему эту статью.

⁶ Так, Х. Йоас, считая полезным сравнение чикагских теорий с другими течениями в социологии на основе схемы Александера, с ее акцентом на проблемах действия и порядка [56, р. 144], отмечает, что прагматизм «развивал свою модель действия не так, как это делал Парсонс» [56, р. 121].

с эмпирическими наблюдениями. Сама стратегия синтеза была иной. Поэтому «многомерность» и «взаимопроникновение», акцентированные соответственно Александером и Мюнхом, проявляются в работе чикагцев несколько иначе, чем это предполагается парсонсианскими основаниями. Если парсонсианский синтез нацелен на «светоносные опыты», то чикагский — на соединение «светоносных» с «плодоносными». Исходя из этого, применить первый синтез для прояснения второго в чистом виде невозможно, и нам придется его несколько модифицировать.

В статье, рассматривая чикагскую социологическую традицию как *космос многочисленных социологий, определенным образом друг с другом связанных*, мы предпринимаем попытку прояснить связи между понятийными аппаратами, типами данных, методами и исследовательскими стратегиями, встречающимися в текстах этой традиции. Для этого мы берем корпусы текстов шести авторов, внесших признанный вклад в развитие *человеческой экологии* (эта перспектива является одной из «визитных карточек» чикагской традиции). Анализ опирается на следующие послышки, почерпнутые в работах Т. Парсонса, Дж. Александера, Р. Мюнха и К. Бёрка:

1. Система социологического знания в *завершенном ее виде* включает следующие типы элементов: пресуппозиции, модели, понятия, определения, классификации, законы, сложные и простые пропозиции, корреляции, методологические допущения и наблюдения [29, р. xviii–xix]. Хотя у чикагцев эти элементы обычно сплавлены в амальгамы, их можно при желании сепарировать, пусть и не в самом «чистом» виде [10]. Парсонс, Александер и Мюнх, во всяком случае, делали это в отношении классических текстов.

2. Пресуппозиции задают *общий каркас* социологического знания: они диктуют и ограничивают, жестко не предопределяя, выбор других его элементов. Выявление базовых контуров той или иной социологии требует прояснения ее пресуппозиций. Александер относит к ним общие допущения относительно природы действия и социального порядка [29, р. xix–xx]. В случае чикагцев значимы также антропологические пресуппозиции.

3. Пресуппозиционный каркас создает пространство возможностей для описания и изучения реальности, заданное серией базовых параметров изучаемой области; эти параметры устанавливаются с помощью базовых *аналитических различий*. Это угол зрения, *аналитически* выделяющий релевантные направления интереса.

4. Социологии могут быть *менее или более многомерными*; степень многомерности определяется прежде всего пресуппозициями [29, р. xx]. Если аналитически задать многомерное пресуппозиционное пространство, то путем *редукции* тех или иных его параметров (или возможностей) можно получать другие схемы соотнесения,

иным образом упорядочивающие социологическое знание. В предельно многомерном пространстве, вмещающем разные схемы соотнесения, эти схемы можно не только соотносить между собой, но и выводить друг из друга путем трансформации пресуппозиций, т. е. добавляя или изымая те или иные пресуппозиционные параметры [21, с. 138–146; 52], или перенося объяснительную значимость (у Бёрка «мотивы») из одних наборов аналитически заданных аспектов реальности в другие [1; 78, р. 211–214].

5. Для актуализации познавательных возможностей, заключенных в аналитической схеме соотнесения, необходимы понятийные средства для описания *взаимопроникновения* аспектов, аналитически разведенных в этой схеме (см. [9]). Разработка более детальных аналитических аппаратов — не единственный подход к задаче *синтеза*.

6. Поскольку в текстах чикагцев часто отсутствуют специальные метатеоретические и методологические рефлексии, для их анализа удобно воспользоваться следующим принципом К. Бёрка: любой текст можно рассматривать как драматическое произведение, в котором экстернализируется скрытая картина мира автора; значимые элементы этой картины могут быть определены через присутствие/отсутствие в тексте тех или иных «персонажей» [1]. О скрытых пресуппозициях можно судить по устойчивому присутствию/отсутствию в социологических текстах таких «персонажей», как те или иные методы, модели, понятия, риторики, дескриптивные лексические средства, типы данных, способы презентации данных и т. п.

В содержательном плане мы принимаем «схему соотнесения» Р.Э. Парка за базовую многомерную матрицу, из которой путем ее развития или редукции можно вывести, по крайней мере, некоторые позднейшие чикагские социологии. Сначала мы рассмотрим схему Парка, а затем две линии развития, одна из которых сохраняет человеческую экологию как компонент многомерной социологии, а другая преобразует ее в социологию вообще, не нуждающуюся в других компонентах.

Роберт Эзра Парк: многомерная схема соотнесения и место в ней человеческой экологии

Парк изначально стремился к *синтезу*, желая создать «концепцию общества и человеческих отношений, которая собрала бы в перспективе единой точки зрения все многообразие тенденций и сил, зримо и активно вызывающих изменения в существующем мировом порядке, которые мы наблюдаем» [18, с. 153]. Вобрав в себя «социологическую мысль, рассеянную по разным школам», эта «перспектива» должна была охватить все «виды фактов, которые должна искать социология, дабы ответить на вопросы, которые она задает» [67 (2), р. 169]. На *пресуппозиционном* уровне синтез обеспечивала «схема

соотнесения» (frame of reference), дающая «логический каркас для более систематических и более научных исследований» [18, с. 139]. Парк исходил из того, что схема соотнесения должна давать ответы на «ограниченное число теоретических проблем» — прежде всего, на вопрос о том, как в социальных явлениях совмещаются «структура» и «процесс» [18, с. 139]. Поскольку социология отвечала на эти вопросы, ей придавался статус «фундаментальной» социальной науки, а специальные социальные науки трактовались как «приложение» ее принципов к разным разрядам явлений [67 (1), р. 21].

Пресуппозиционная схема Парка включала допущения относительно (1) человеческой природы, (2) человеческого действия и (3) социального порядка (социальной организации). Хотя Парк говорил о первичности «действия» по отношению к «структуре» [19, с. 127–128], эти группы пресуппозиций логически равноправны: упорядоченная социальная реальность — это реальность (взаимо)действия, базовые характеристики человеческого поведения вытекают из человеческой природы, а человеческая природа неотделима от социальной реальности, в которой человек живет и действует [19; 67 (1), р. 7; 68, р. 203; 70, р. 25].

В первом приближении эти три группы допущений были нацелены на синтез двух противостоявших концепций человека и социального порядка — утилитаристской и нормативистской. В работах Парка это представлено как совмещение концепций Спенсера и Конта [67 (1), р. 1–5; 68, р. 180], Гоббса и Аристотеля [67 (1), р. 7]⁷. Убеждение в том, что утвердившиеся в социологии дихотомии не абсолютны, а представляют разные «аспекты» одной и той же реальности, пронизывает всю схему Парка. Борьба с этими дихотомиями регулярно привносила в тексты Парка *дуалистическую риторiku*, которую многие ошибочно принимали за принципиальную дуалистическую позицию [28, р. 106; 37, р. 471–472; 38, р. 427; 49; 53, р. 141, 152; 56, р. 137–138]⁸.

⁷ Р. Бендикс так поясняет интенцию Парка: в то время как А. Смит написал две книги — «О богатстве народов», в которой «показал, что некоторые социальные феномены возникают из независимого преследования каждым индивидом собственной выгоды», и «Теорию моральных чувств», в которой «показал, что взаимодействие людей в обществе облегчают или сопровождают чувства симпатии», — Парк полагал, что «это не должны быть разные книги: само постоянное взаимодействие между конкуренцией и коммуникацией, между симбиозом и социализацией представляет основной интерес для социолога» [30, р. 524].

⁸ Более мягкую оценку предлагает П.М. Ленгерманн: «двойная фокусировка» Парка стала продуктивной «точкой напряжения» для дальнейшей работы, но сам Парк «нигде... не достигает удовлетворительного решения этой проблемы [дуализма]» [59, р. 250].

Человеческая природа, по Парку, двойственна: человек — одновременно «биологический индивид» и «персона», или «социализированный индивид». «Изначальная природа» присутствует в человеке как биологически заданные свойства: «природные наклонности», «страсти и аппетиты», «элементарные и инстинктивные побуждения», в том числе такие, как «стадный инстинкт» и развитая «способность к осваиванию других форм поведения» [18, с. 147; 67 (1), р. 8; 67 (2), р. 172, 181–182; 71, р. 610]. «Персона» как «социальное качество» и «вторая натура» развивается у человека под влиянием контактов с другими и включения в «паутину пониманий», в «общий фонд социальных традиций и культурных идеалов», «общество» и «культуру»; Парк описывает ее в терминах «статуса», «роли», «Я», «разума», «сознания», «самосознания», «представления о самом себе», «установок», «субъективности», «памяти, воображения, фантазии» [14, с. 176; 17, с. 156; 18, с. 147; 19, с. 131–133; 67 (1), р. 19, (2), р. 181–182, (4), р. 411]. «Персона» — «артефакт, идеальная конструкция... сущность скорее концептуальная, нежели эмпирическая»; ее наличие отличает человека от низших животных [14, с. 177]. Будучи «персоной», человек способен «жить в умах других людей» [14, с. 179; 19, с. 131] и участвовать в «коллективном действии» [67 (1), р. 20]. Социологию человек интересуется в основном в этом качестве [67 (4), р. 411]. Трактую природу человека отчетливо антибихевиористски, Парк все же говорит, что для социологии значима и «изначальная природа» — как источник «материала, из которого создаются индивидуальные личности и социальный порядок» [67 (2), р. 182] и как неустранимая часть человека, включающая его в «паутину жизни» на «биотическом уровне» [18, с. 147; 69, р. 175].

Определяя природу человеческого поведения, Парк исходит из того, что человеку как «персоне» свойствен особый тип поведения: *осмысленное поведение* («действие», «действие», «акт») [14, с. 178–179; 19, с. 130–133]. Оно опосредовано интерпретацией и не сводится к «стимулу–реакции» [66, р. 196]; смысловой компонент делает поведение человека столь гибким, что бихевиористская трактовка индивидов как «постоянных и гомогенных единиц» оказывается к нему неприменимой [12, с. 146–147]. Действие может быть как индивидуальным, так и коллективным [67 (1), р. 11]. Социологию интересуется последнее — «корпоративное», или «слаженное и согласованное» действие [70, р. 5; 71, р. 598]. Оно не описывается в «физиологических терминах» и «в терминах индивидуального поведения» [19, с. 133]. Зачатки такого действия обнаруживаются, однако, уже у животных в «схожей реакции на схожий стимул» [67 (1), р. 10]; и эти элементарные формы коллективного поведения релевантны для социологии. Более того, поскольку поведение отграничивается от действия как неосознанное

от осознанного, его значимость для социологии возрастает; ведь «люди действуют... исходя из мотивов, которых они в полной мере не понимают, для достижения целей, которые они сознают лишь смутно, если вообще сознают», и инстинктивное действие в этом плане не отличается от действия «под влиянием нравов» [67 (1), р. 7–8]. *Отграничив специфически человеческое действие персоны от поведения организма, Парк оставляет в поле внимания социологии и то и другое в их коллективном (прежде всего) аспекте.* Иначе говоря, социологию в поведении человека интересует как природное, так и конвенциональное.

Социологию Парк определяет как науку о «коллективном поведении» [67 (1), р. 21], или *взаимодействии*, т. е. о «процессах, посредством которых индивиды... вовлекаются в сотрудничество в некоторого рода постоянном корпоративном существовании, которое мы называем обществом» [67 (1), р. 20]. Двумя базовыми *социальными процессами* («формами взаимодействия») Парк считает конкуренцию и коммуникацию [18, с. 149–150; 66, р. 194–195; 70, р. 20–21]. *Конкуренция* трактуется как «элементарная, универсальная и фундаментальная» форма взаимодействия «в мире живых существ» [13, с. 390–396]. В нее люди вовлечены как «естественные индивиды», а не как «персоны». Это неосознаваемое взаимодействие, или «взаимодействие без социального контакта» [13, с. 392, 400]. Оно создает связи между людьми, выраженные в их «территориальном распределении» и «разделении труда» [13, с. 395–396; 66, р. 187; 70, р. 20]. Эти связи имеют не «биологический», а «внешний» характер; люди включены в них как целостные живые единицы [13, с. 393]. *Коммуникация* «происходит между персонами» [66, р. 189], опосредована интерпретацией [66, р. 189, 196] и предполагает «социальный контакт», при котором «встречаются два разума» и «смыслы одного разума передаются другому разуму так, что они оказывают взаимное влияние друг на друга» [13, с. 393]. В коммуникации передаются идеи, чувства и установки [66, р. 188]; для их передачи используются разные средства, от «жестов, знаков, символов, слов или концептов» [67 (1), р. 15] до современных масс-медиа [17, 18, 66]. В этом процессе создаются и воссоздаются «общий опыт», «взаимные ожидания», «нравы», «обычай», «традиции», «конвенции», «право», «коллективные репрезентации», «лояльности», «солидарности», «церемониал, язык, социальный ритуал, общественное мнение», т. е. весь «корпус» ментальных связей между людьми, делающих их способными к «слаженному и согласованному действию» и обеспечивающих «единство и целостность» социальных групп в пространстве и времени [18, с. 149–150; 66, р. 187, 191–192; 67 (1), р. 14–15; 71, р. 598]. Конкуренция и коммуникация действуют «относительно независимо друг от друга»,

имеют разную логику и выполняют разные «функции»; однако «в действительной жизни общества» они «дополняют и довершают друг друга», модифицируют друг друга, и *продуктом их совместного действия является «социальный порядок» (или «социальная организация»)* [18, с. 149; 66, р. 195; 70, р. 20].

С вышеизложенным согласуется базовая пресуппозиция Парка относительно *природы социального порядка*, которая гласит, что «человеческое общество... организовано на двух уровнях — биотическом и культурном» [20, с. 387; 69, р. 175]. «Организация», или упорядоченность, реализуется как «подвижное равновесие»: любой «существующий социальный порядок» есть сочетание «биотического баланса» и «социального равновесия» [69, р. 177], создаваемых соответственно конкуренцией и коммуникацией [13, с. 391, 396; 70, р. 5, 21]. *Двум уровням соответствуют разные типы ассоциации: биотическому — сообщество, культурному (или моральному) — общество.* Сообщества образуют организмы и группы организмов, симбиотически сосуществующие в общем хабитате, имеющие устойчивое пространственное размещение в его пределах и связанные взаимозависимостью в рамках «естественной экономики», или «разделения труда» [66, р. 193; 68, р. 181; 70, р. 4, 20–21]. Хотя сообщество реализуется в чистом виде лишь у растений, где конкуренция ничем не ограничена [13, с. 394], этот тип взаимозависимости «существует и на человеческом уровне» [69, р. 175]. Биотический порядок создает условия для регулярной коммуникации и служит «субструктурой», или «базисом», на котором выстраивается институциональная «надстройка», т. е. собственно «общество» [18, с. 153; 68, р. 182; 69, р. 177; 70, р. 21]. Парк видит в обществе «артефакт, который соединяется с природой и человеческой природой и имеет в них свои корни» [67 (1), р. 7]. Общество образуется из «персон» [68, р. 179]. Это ментальный тип связи, сопряженный с долженствованием: «мир коммуникации» и «общий универсум дискурса», в котором люди ведут разумную жизнь на базе общих идей и чувств [12, р. 149; 18, р. 154; 68, р. 201]; «сеть обычаев и традиций», в которой люди «действуют сообща» [18, с. 135]; «социальный порядок», в котором персоны размещаются относительно друг друга на основе групповых стандартов и представлений о себе и друг о друге [12, р. 149–150]; «моральный порядок», навязывающий индивидам разного рода ограничения и контролирующий их поведение [13, с. 396; 67 (1), р. 16–17; 69, р. 176]. Хотя эти «социальные силы» порождаются человеческим «воображением» [18, с. 154], они все же «не менее реальны, чем физические»; способность принуждать делает их «объективными» [67 (1), р. 14, 16]. Отмечая, что «общество и сообщество, строго говоря, — разные вещи», Парк устанавливает, что «это всего лишь разные аспекты одного общества» и что «каждое сообщество... есть в каком-то смысле и в какой-то степени общество» [68, р. 182; 69, р. 176].

Описанные пресуппозиции задаются *аналитическими* различениями: «организм vs персона», «поведение vs действие», «индивидуальное vs коллективное», «конкуренция vs коммуникация», «биотическое vs культурное», «сообщество vs общество». С их помощью Парк задает поле обзора, более широкое по сравнению с концепциями, делавшими выбор в пользу тех или других членов этих пар⁹. Каждая пара преобразуется далее в континуум, или ось, на которой можно расположить разные комбинации парных аспектов, воплощающие их *взаимопроникновение*. Эти комбинации устанавливаются отчасти *аналитически*. Например, на оси «биотическое–культурное» выделяются четыре порядка (экологический, экономический, политический и моральный/культурный) [18, с. 143–148; 20, с. 387–388; 69, р. 176–179; 70, р. 6, 22–23]; на оси «конкуренция–коммуникация» — четыре социальных процесса (конкуренция, конфликт, аккомодация, ассимиляция) [13] и т. п. Эта стратегия преобразования дуалистических концептуализаций в многомерные¹⁰ сродни той, которую позже избрал Парсонс, и продукты этой стратегии в обоих случаях схожи¹¹.

Однако Парк этим не ограничивается: его *диалектический*¹² синтез выходит за рамки *аналитического конструирования*. Парк видит

⁹ У Парка устраняются и другие «или/или», немало досаждавшие социологии: «процесс vs структура», «номинализм vs реализм», «объективное vs субъективное», «микро vs макро», «природа vs общество», «утилитаризм vs конформность». Примечательно, что члены этих пар не раскладываются аккуратно по двум дихотомически противостоящим кластерам.

¹⁰ Иногда эта интенция выражена эксплицитно: «взаимоотношения людей гораздо более разнообразны и сложны, они не сводятся к этой дихотомии — симбиотического и культурного. Этот факт находит подтверждение в самых разных системах человеческих взаимоотношений, которые выступают предметом специальных наук» [20, с. 387].

¹¹ Эти ходы Парка видятся иногда как «предвосхищение структурного функционализма» [59, р. 248].

¹² П.М. Ленгерманн отмечает: «Парк концептуализировал социальную жизнь как сложные процессуальные комбинации внешне противоречивых элементов... Его теория — самая ранняя форма диалектически концептуализированной теории, с которой столкнулись американские социологи» [59, р. 242–243]. Здесь сказывается прямое влияние Г. Зиммеля [59, р. 242], прагматистов [58, р. 8–10, 44], В. Виндельбанда и косвенное влияние — через этих посредников — немецкой (гегелевской) диалектики [58, р. 100]. Превосходный анализ философских оснований мышления Парка и его философии науки, совмещающей в себе неокантианские, прагматистские и позитивистские элементы, дал Дж. Н. Энтрикин [34]. О непонимании прагматистских оснований и диалектичности мышления Парка и его последствиях для развития человеческой экологии в XX в. писали Д. Р. Мейнс, Дж. К. Бриджер и Дж. Т. Ульмер [60].

в социологии *эмпирически укорененную науку*, призванную объяснять *действительный социальный мир*, изучать «связи между вещами, а не между идеями» [18, с. 152] и избегать «схоластики», подменяющей первые вторыми [15, с. 100]¹³. Руководствуясь прагматистским видением процесса познания, Парк предпринимает ряд шагов, призванных уберечь социологию как живое и отзывчивое к миру предприятие от формально-аналитического паралича и гарантировать, что находимые ею связи между разными аспектами этого мира будут принадлежать самому этому миру, а не логическому миру теоретика. Стратегия Парка состоит в том, чтобы вплавить аналитическую многомерность в исследовательский процесс путем *особого соединения аналитических понятий с синтетическими*.

Прежде всего, он строго ограничивает функцию аналитической схемы соотнесения. Считая, что «понятийный порядок делает действительный порядок умопостижимым», что любое «формальное» (т. е. научное) знание держится на помещении фактов «в ту или иную перспективу соответственно задаче и точке зрения исследователя» и что «идеи не только образуют логический каркас всякого систематического знания... [но и] вторгаются в саму природу вещей, которыми занимается наука», Парк говорит, однако, что «эмпирическая и экспериментальная наука избегает чисто логического решения своих проблем» [15, с. 100–101]. Должны изучаться *не заданные схемой аспекты как таковые, а реальность под углом зрения выделенных аспектов*. Схема инструментальна. Она дает ориентиры и общие рамки для исследования, но не решает его проблем. Одна из проблем состоит в том, что реальность конкретна, и эта конкретность не схватывается

¹³ Так, в одном редко цитируемом тексте Парк писал: «[Под влиянием Джеймса] логика и всякого рода формальное знание утратили для меня тот интерес и авторитет, который они имели прежде. Идеи больше не были для меня нигде и ни в каком смысле заменой, или суррогатом, реальности и мира вещей... Метод схоластики — диалектика, т. е. дискуссия. Ее функция — сделать идеи, с которыми мы работаем, ясными и согласованными. Но мышление более плодотворно, когда оно находится по крайней мере в контакте с эмпирическим миром, т. е. миром шансов и изменения... [З]нание является и должно быть всегда, в конечном счете и в основе своей, практическим... наука есть нечто большее, чем универсум дискурса или схема соотнесения; короче говоря, нечто большее, чем аппарат систематического мышления. Наука всегда интересуется не просто идеалом, а реальным миром. Социология была вскормлена в схоластике. Поскольку она сохраняет эту раннюю ориентацию, она, похоже, занимается идеями, а не вещами. Но общество — не идея, а вещь... Социологи не могут решить своих проблем просто диалектикой или разработкой программ для других. Социология должна быть эмпирической и экспериментальной» [65, р. 38, 40, 45].

аналитическими понятиями. Исследовательская работа нуждается в синтетических понятиях, которые были бы как-то вписаны в логический каркас, заданный понятиями аналитическими. Парк использует, по крайней мере, два способа образования таких синтетических понятий.

Первый способ состоит в том, что обыденное понятие, обозначающее конкретный изучаемый объект, наполняется множественными смыслами посредством проекции в него аналитически заданной многомерности¹⁴. Так, «город» трактуется в первом приближении как «физическая структура» и «моральный порядок» [12, 71], в более развернутом виде — как «место и люди, со всей машинерией, чувствами, обычаями и администрированием... общественным мнением и трамвайными путями, индивидуальным человеком и орудиями, которыми он пользуется» [71, р. 577–578]. Второй способ, вносящий серьезную путаницу в тексты Парка, состоит в преобразовании аналитических понятий в синтетические путем наполнения их смыслами, не предусмотренными их аналитической чистотой. Например: «коммуникация», в аналитически чистом виде заключающая в себе интерпретацию, начинает включать формы взаимодействия у животных, вообще не предполагающие осознание [66]; в «сукцессию» (исходно экологическое понятие) включаются не только территориальные и популяционные сукцессии, но и «сукцессии в психическом, или субъективном аспекте социального изменения» [70], и т. п. Парк *систематически* делает это со всеми понятиями, составляющими его схему соотнесения, и это неисчерпаемый источник *двусмысленностей* в его социологии. Этот способ связывания абстрактного с конкретным можно описать так: отталкиваясь от аналитически установленного «чистого» смыслового ядра, значимого для локализации соответствующего аспекта в схеме соотнесения, Парк достраивает понятие таким образом, чтобы оно охватывало все эмпирически наблюдаемые манифестации этого аспекта, в том числе сколько угодно «нечистые». Для нас здесь особенно важно, что такому преобразованию подвергаются понятия «сообщество» и «общество». Лишенные чистоты, они становятся синонимами: если в аналитической чистоте понятие «общество» относится только к культурному/моральному «уровню интеграции», то более широкое определение «социального» включает в его состав экономический и политический порядки [17, с. 147; 69, р. 176–179; 70, р. 22–23], а максимально широкое присовокупляет к ним также «биотическое сообщество», «экологическую организацию» и «хабитат» [17, с. 147; 18,

¹⁴ По этому поводу Парк, в частности, пишет: «Бывает странно и немного удивительно, когда замечаешь, сколь много разных граней могут приобретать знакомые и очевидные объекты, если смотреть на них с разных точек зрения, или разными глазами. Особенно когда объектами, на которые мы смотрим, являются люди» [65, р. 42].

с. 144; 20, с. 387; 70, р. 1, 22–23]; «человеческое сообщество», в наиболее широком его определении, включает популяцию, материальную культуру (артефакты и технологии), нематериальную культуру (обычаи и верования) и природные ресурсы хабитата [20, с. 389]¹⁵. Эта стратегия соединения абстрактного с конкретным позволяет Парку прикладывать свою схему соотнесения к реальности фактически *напрямую*, без тех бесчисленных опосредующих аналитических звеньев, на проработку которых почти всецело нацелены синтезы парсонсианского типа.

Многозначности в трактовке «общества» и «социальности» соответствует такая же многозначность в трактовке предметных областей социологии и специальных социальных наук¹⁶. В ведении социологии как специальной науки находится «культурный (моральный) порядок» [18, с. 144; 70, р. 6]. Это — ее *аналитически* отграниченная предметная область. Но поскольку этот порядок находится в диалектическом взаимопроникновении с остальными, различаемыми в рамках аналитической схемы, то юрисдикция социологии как «общей» науки о социальной жизни расширяется: сначала на «всю сферу социального» [17, с. 147], а далее, вглубь «природы», и на «те более элементарные ассоциации, которые вызываются чистой борьбой за существование» [70, р. 6]. Так же двусмысленно трактуются сферы ведения других социальных наук: каждая изучает «специфические типы ассоциации» («институты»), относящиеся к ее «уровню интеграции»; их аналитическое разграничение оправдано тем, что эти типы институтов «функционируют относительно независимо друг от друга»; однако их независимость лишь относительная, и постичь их «целиком» можно, лишь рассматривая их «как неотъемлемые части единого организма» [17, с. 146; 70, р. 6].

Особые следствия имеет осуществленное в этом же ключе соотнесение социологии и истории (в которую включается и «история современной жизни», по сути тождественная эмпирическим наблюдениям [68, р. 202]). В исходном определении социология трактуется

¹⁵ Невнимание к тому, что термины «сообщество» и «общество» употребляются у Парка в аналитическом и синтетическом смыслах, часто вело к неверной интерпретации его идей. В качестве примера можно взять утверждение Р. Эгню: «Пренебрежение ценностями и индивидом в человеческой экологии имеет корни в проведенном Парком (1936) различии между сообществом и обществом. Это различие заставило экологов передать изучение ценностей и индивида в область социальной психологии» [28, р. 106].

¹⁶ Представления Парка о границах между дисциплинами по-разному интерпретируются в литературе. Трактовки, в разной степени отличные от предлагаемой здесь, можно найти в работах Э. Гациано [36], Р.Д. Мейнса и др. [60] и Дж.Н. Энтрикина [34].

как *объяснительная* наука, стремящаяся «прийти к естественным законам и обобщениям относительно человеческой природы и общества, не зависящим от времени и места»; и в этом плане она противопоставляется истории как *интерпретативной* науке, регистрирующей «уникальные и никогда не схватываемые во всей полноте аспекты жизни, которые мы называем *событиями*» [67 (4), р. 408, 411, 415, 424]. Здесь Парк проводит различие между «*знанием-о*» — «аналитическим и формальным знанием», находящим высшее выражение в естественной науке с ее строгими методами, — и «*знакомством-с*», т. е. «синтетическим» знанием, представляющим собой то «широкое и тесное знакомство с людьми и вещами», которое приобретает «в ходе непосредственных столкновений с окружающим миром» примерно «так же, как мы узнаем значения слов, наблюдая способы их употребления, исследуя поводы и обстоятельства их возникновения и роста и учитывая все то, что есть необходимого и уникального в их истории» [15, с. 99–100; 18, с. 152–153; 68, р. 201–202]. Но это различие устанавливается аналитически и, подобно всем аналитическим различиям, не воплощается в чистом виде в действительности, где эти два типа знания «не настолько отличны друг от друга... чтобы их нельзя было представить как образующие... единый континуум — континуум, в пределах которого находят место все виды и сорта знания» [15, с. 102]. Соответственно, «хотя в теории возможно провести ясное различие между задачей и методами истории и социологии, на практике эти две формы знания перетекают друг в друга путем почти неощутимых переходов» [67 (4), р. 416]¹⁷. Социология в таком расширенном определении становится *одновременно объясняющей и понимающей наукой*, для которой органичны, помимо прочего, полевое наблюдение, изучение частных случаев и интерес к уникальным смыслам событий.

Описание внутреннего устройства парковской социологии позволяет правильно определить место, которое занимает в ней *человеческая экология*¹⁸. В аналитической схеме ей как *специальной науке* отводится особый сегмент, в котором люди рассматриваются как индивидуальные организмы, инкорпорированные наряду с другими живыми существами

¹⁷ Комментаторы часто не замечают этих рассуждений в текстах Парка, что приводит к ошибочной трактовке его определения социологии как «позитивистского»; эту ошибку совершает, например, П.М. Ленгерманн [59, р. 245–246].

¹⁸ Программу изучения экологических аспектов социальной жизни Парк предложил уже в 1915 г. [71]; термин «человеческая экология» был впервые употреблен им только в 1921 г. во «Введении в науку социологию». Попытки систематически определить эту перспективу Парк принял лишь во второй половине 1930-х гг. ([20, 69, 70] и др.).

в биотический порядок, индивидуально и коллективно взаимодействующие — прежде всего, конкурирующие за ресурсы среды — друг с другом и тем самым неосознанно создающие сеть связей и взаимозависимостей, называемую сообществом. Предметная область человеческой экологии располагается на границе между обществом и природой; сама она — на границе между социологией и общей экологией (или биоэкологией). Аналитически проясняя специфику экологического взгляда на общество, Парк подчеркивает *сходства* человека с другими организмами¹⁹. Это позволяет ему дать аналитически чистое описание экологического порядка, опираясь на достижения растительной и животной экологии, и перенести из экологии в социологию ряд понятий («борьба за существование», «хабитат», «популяция», «естественный ареал», «симбиоз», «сукцессия», «вторжение», «доминирование»). Вместе с тем Парк пытается плотнее инкорпорировать человеческую экологию в многомерную эмпирическую социологию и отграничить ее от биоэкологии, подчеркивая при этом *отличие* человека от животных²⁰. С этой стороны экологические связи видятся как вплетенные в целостный комплекс социальных связей, изучаемый социологией как общей наукой, и преобразованные самим этим вплетением. В этом преобразованном виде они не могут изучаться средствами биоэкологии и, более того, не могут быть полностью поняты никакой специальной дисциплиной; в этом смысле человеческая экология *не дисциплина, а одна из перспектив, вплетенных в социологию, выстроенную на основе единой многомерной и синтетической «точке зрения»*²¹.

В этой перспективе, по Парку, общество есть «скорее симбиотическая, нежели социальная единица. Это популяция, оседлая и ограниченная своим хабитатом. Узами, объединяющими его индивидуальные единицы, являются узы свободной и естественной экономики,

¹⁹ Парк пишет, что «человеческое сообщество, описанное *абстрактно и без соотнесения с другими, более конкретными его характеристиками* [курсив наш. — В.Н.], не отличается существенно от растительного сообщества» [70, р. 2–3].

²⁰ Суждения Парка на этот счет *диалектичны*. С одной стороны, человеческая экология «идентична, по крайней мере в принципе, экологии растений и животных», с другой — «отличается во многих отношениях от экологии растений и животных». С одной стороны, она «должна считаться с тем фактом, что в человеческом обществе конкуренция ограничивается обычаями и культурой», с другой — социальный контроль «усложняет социальный процесс, но не меняет его существенно» [20, с. 386–388].

²¹ На то, что человеческая экология у Парка — не метод и не специальность, а именно перспектива, справедливо указывает, например, У.Р. Кэттон [32, р. 85].

основанной на естественном разделении труда. Это общество организовано территориально, и скрепляют его физические и жизненные связи, а не обычаи и нравы. Конечно... это не всё общество, но это — один из его аспектов» [69, р. 178]. Вокруг этой реперной точки выстраивается тематика экологических исследований: популяция, ее состав и динамика, в том числе движение населения, миграции, мобильность; пространственные аспекты социальной жизни; территориальное распределение популяции, видов деятельности и институтов; функциональные связи и взаимозависимости («разделение труда»); сообщества и «естественные ареалы»; экологические процессы (конкуренция, вторжение, сукцессия, аккомодация); аккомодации популяционных элементов к среде и друг к другу; порядки доминирования и т. п. При этом подчеркивается, что человеческую экологию интересует «не связь человека с землей... а его связь с другими людьми» [12, с. 136]. Важность введения экологического аспекта в социологию обосновывается тем, что «связь человека с другими людьми в гораздо большей степени, чем до сих пор признавалось, скорее симбиотическая, чем социальная» [66, р. 193]. Этот угол зрения в социологии является наиболее *объективистским* и тесно связан с использованием *статистики и количественных методов* [68], однако другие углы зрения привносят в социологию интерес к субъективным сторонам социальной жизни и качественные методы. Человеческая экология, взятая сама по себе, таит в себе *потенциал детерминизма* и даже фатализма, и Парк допускает высказывания в этом духе; но в целостной конструкции его социологии запрограммированы мощные противорессы детерминизму²², и видеть в позиции Парка «экологический детерминизм» [59, р. 250] нет оснований.

Определение человеческой экологии у Парка было открытым и двусмысленным; это одинаково признают его последователи, комментаторы и критики. Эта открытость касалась как ее *содержания*, так и ее *статуса и отношений с другими науками*. По обоим параметрам происходила далее ее диверсификация, достигшая в 1930-е годы небывалых масштабов [76]. Попытки внести порядок в хаос концепций и типов исследования, собранных под этой рубрикой, были, однако, во многом predeterminedены самими парковскими двусмысленностями. Во-первых, Парк оставил открытым вопрос о том, должна ли человеческая экология быть автономной дисциплиной или

²² Детерминистский аспект, заложенный в экологическом видении, уравнивается у Парка волонтаристским аспектом действия, вытекающим из наличия у человека «воображения» и, соответственно, способности «жить в двух мирах — реальном и идеальном, настоящем и будущем» [14, с. 179].

частью социологии как общей науки, а если частью, то базовой или равноправной по отношению к другим частям²³. Во-вторых, он оставил не проясненной границу человеческой экологии не только с социологией, но и с биоэкологией²⁴. Двусмысленности Парка можно было устранить разными способами. Во-первых, можно было закрыть границу социологии с биоэкологией, сохранив человеческую экологию как один из углов зрения, инкорпорированных в социологию как науку о максимально многомерно трактуемом «социальном»; так поступили Л. Вирт и Э.Ч. Хьюз. Во-вторых, можно было отграничить человеческую экологию как особую дисциплину со своим особым предметом от других социальных наук, выведя ее из состава многомерной социологии, и полностью или частично автономизировать ее от общей экологии; так сделали Р. Маккензи и Дж. Куинн. В-третьих, можно было превратить человеческую экологию в особую дисциплину, сохранив за ней широкие объяснительные притязания, свойственные исходному синтезу, из которого она была изъята; по этому пути пошел Э. Хоули, стратегически воспользовавшийся открытостью границы между человеческой экологией и биоэкологией. Каждая из этих линий развития предполагала специфическое обращение с парковскими пресуппозициями, что отражалось на стратегиях исследования и объяснения, понятийных аппаратах, методах, используемых данных и т. д.

²³ Иногда парковская человеческая экология трактуется как «тотализирующий подход» [49]. Имеется в виду обозначение *всей* его многомерной социологии как «экологического подхода», или «классической экологии» (см., например: [36, р. 894–895; 49; 51]). Такое переименование, искажающее самую суть подхода Парка и сопровождаемое вменением ему экологической однобокости, нередко использовалось уже в конце 1930-х гг. для его критики; некоторые авторы (например, У. Геттис [37, р. 474]), выдвигая свои версии «человеческой экологии», во многом идентичные парковской многомерной социологии, преподносили их как альтернативы экологическому детерминизму и одномерности Парка. Эти множасьщиеся «новые» копии часто не обладали достоинствами парковского оригинала; по меньшей мере, они просто не были оригинальными и новыми. Само обозначение всей социологии Парка как «экологии» не вполне адекватно: это всего лишь *метонимия*, причем создавшая немало путаницы. Вместе с тем нельзя не признать, что такая интерпретация «человеческой экологии» была *одной из* возможностей (хотя не единственной) выйти из парковских диалектических двусмысленностей.

²⁴ О плодотворности открытой границы между социологией и биоэкологией, оставленной Парком, для развития человеческой экологии в период между двумя мировыми войнами см. в статье Э. Гациано [36].

Многомерная стратегия в чикагской социологической традиции и человеческая экология после Парка: Луис Вирт и Эверетт Хьюз

Линии преемственности, ведущие от Парка к Л. Вирту и Э.Ч. Хьюзу, очевидны. Оба были его учениками (Хьюз был еще и другом); оба явно претендовали на статус его интеллектуальных наследников; истоки интересов того и другого легко найти в программных произведениях Парка, например, в статье 1915 г. о городе [71]. Вирт и Хьюз независимо друг от друга сохранили в своих социологиях тот многомерный пресуппозиционный каркас, который выстроил Парк, хотя сделали это очень по-разному. Человеческая экология тоже оказалась встроенной в их социологии неодинаково. Однако в некоторых ключевых моментах они развивали парковский синтез в одном направлении. Прежде всего, оба *закрыли границу социологии с биоэкологией*: в их текстах не встречаются характерные для Парка экскурсии в растительную и животную экологию. Это было связано с их исследовательской практикой, для которой такие экскурсии не были релевантными. Закрытие этой границы было тесно связано с явным смещением акцентов во всех пресуппозициях. Вирт и Хьюз брали человеческий социальный мир как *специфически человеческий*; в трактовке человеческой природы, человеческого поведения и социального порядка они придавали отличиям человека от иных живых существ бóльшую значимость, чем сходствам с ними; признание последних сохранялось лишь в общей *натуралистической* исследовательской ориентации, одинаково свойственной обоим. Из многомерной схемы соотнесения Парка, таким образом, было изъято наиболее натуралистическое ее измерение. Человеческая экология вследствие этого изъятия стала больше «человеческой», нежели «экологией» в исходном биологическом смысле²⁵. Экологические процессы и структуры в текстах Вирта и Хьюза почти не рассматриваются в аналитически «чистом» виде, а берутся в тех формах, в которых их можно наблюдать в *человеческом мире* и в которые *неустранимо впечатано своеобразие человеческого социального существования*.

Понять ту форму, которую человеческая экология приобрела у Вирта, можно только в контексте его обращения с наследием Парка. Отрезав социологию от биоэкологии, Вирт добросовестно сохранял его многомерную пресуппозиционную схему. Как и Парк, он понимал важность *аналитических* различий для выделения в

²⁵ Так, С. Вергати отмечает, что Вирт пытался «преодолеть биологический детерминизм в экологической перспективе», сместив центр внимания в сторону социопсихологических аспектов социальной организации (см.: [58, p. 253]).

реальности релевантных аспектов: у него можно найти оперирование аналитическими парами «индивид–группа» [3, с. 24–38], «номинализм–реализм» [3, с. 24–26], «сообщество–общество» [3, с. 51, 53, 83–84], «действие–структура» [3, с. 26], «конкуренция–коммуникация» [3, с. 54, 60]. Как и Парк, он подходил к этим различиям *диалектически* и отвергал их трактовку в духе «или/или»: «идеально-типические аспекты» не являются «конкретными реальностями» [3, с. 42]; переходя от «логических дихотомий» к «анализу конкретных сегментов социальной жизни», мы обнаруживаем не противостоящие «сущности», а «взаимно дополняющие друг друга аспекты» изучаемых объектов [3, с. 53]. В таком же духе трактовались аналитические перспективы, вычлняющие особые аспекты в изучаемом мире: ни от одной «нельзя ожидать, что она прояснит больше, чем всего лишь частный аспект целостной реальности», но «каждая может стать более плодотворной... если осознает свои особые проблемы и интересы и их связь со всеми другими» [3, с. 27]. *Человеческая экология — одна из перспектив, вписанных в социологию.*

Социологию Вирт определял как науку о социальном взаимодействии, или о «групповых или коллективных аспектах человеческого поведения» [3, с. 26, 52]. Основной единицей изучения он считал «группу», определяемую как «любая агрегация или ассоциация людей, которую можно мыслить как каким-то образом сплоченную и имеющую собственное единство» [3, с. 52]. Группа трактовалась как одновременно *сообщество* и *общество* [3, с. 42, 51]. Термин «*сообщество*» (основной экологический термин у Вирта) охватывал «физические, территориальные и симбиотические аспекты человеческой групповой жизни»: популяционные агрегаты, технологию, разделение труда и т. п. [3, с. 83]. Хабитат в это понятие не включался. Вирт подчеркивал, что человеческую экологию интересуют не «отношения между человеком и его средой обитания», а «отношения между человеком и человеком в той мере, в какой на них влияет... их среда обитания» [3, с. 41]. Такое определение ее интереса и элиминация «хабитата» были связаны с уходом от биоэкологии. В центр внимания человеческой экологии Вирт поставил *территориальность* [3, с. 53]. Он считал, что эта перспектива наиболее полезна в «исследованиях, имеющих ареальное измерение» [3, с. 43], то есть в *региональной социологии*. В круг «сообществ» («регионов») включались группы всех размеров: соседства, города, метропольные сообщества, регионы, «мировое сообщество». Вирт не сводил экологическую перспективу полностью к *региональному подходу*, но представлял её в своих работах прежде всего в этой форме.

Считая экологическую перспективу ограниченной [3, с. 138–152] и всячески подчеркивая специфику человеческой групповой жизни

[3, с. 42, 60], Вирт отвергал экологический детерминизм как искажающее реальность «однофакторное объяснение», указывал на разную значимость экологических аспектов для разных групп и настаивал на многомерном подходе, в котором «совместная жизнь людей» виделась бы как продукт разных факторов, среди которых экологические — не более чем «одни из» [3, с. 48, 53, 144, 150–151]. В единицах, имеющих «ареальное измерение», неизменно учитывались наряду с ним и другие аспекты, предполагаемые многомерной схемой соотношения: технологические, экономические, политические, культурные, символические, моральные, социально-психологические [3, с. 48–50, 53–55, 60, 83–85, 88–89]. Каждую конкретную групповую единицу такого рода Вирт брал — в духе Парка и Мида («социальность есть способность быть несколькими вещами сразу») — как синтез множества разных аспектов. Этот подход применялся к «сообществу» [3, с. 59–62, 83, 88–89], «гетто» и вообще городским ареалам [2; 3, с. 178–191], урбанизму [3, с. 93–118], «регионам» [3, с. 138–151], «мировому сообществу» [3, с. 79–92]. Исследование гетто наиболее показательно. Гетто рассматривалось как «естественный ареал», «культурный ареал», «институт», «правовое установление», «эндогамная популяция», «форма аккомодации», экономическая единица в разделении труда, форма солидарности, комплекс «привычек и установок», констелляция «типов личности», «состояние духа». В его анализе Вирт использовал данные о правовых отношениях, разделении труда, экономических отношениях, занятиях, торговле, социальной структуре и стратификации, культуре, обычаях, нравах, религии, личностных типах и идентичностях, самосознании и групповом сознании, мотивациях, интересах, исторических обстоятельствах, личностных карьерах, «атмосфере» гетто; эти данные относились к единице, которая конституировалась экологически как определенная конфигурация территориальных размещений и распределений. Добытое таким образом знание нельзя было получить изнутри человеческой экологии как автономной дисциплины.

Экологические методы (карты, демографические данные, статистические распределения) позволяли внести в исследования «объективные показатели», возможность измерения, «точные и количественно представимые результаты» [3, с. 42–43, 53, 112]. Но Вирт подчеркивал их неспособность уловить наиболее значимые — смысловые — стороны человеческой социальной жизни, а потому требовал дополнять статистические данные «субъективным материалом, добываемым только через личный контакт с людьми и через посредство личных документов», ибо только так они «могут наполниться смыслом» [3, с. 61]. Такая конфигурация количественных и качественных методов и соответствующих типов данных, вытекавшая из пресуппозиционной многомерности, была типичной не только для Вирта, но и

для многих других учеников Парка — Х.У. Зорбо [4], Н. Андерсона, П. Кресси, Р. Кэван, Ф. Трэшера, К. Шоу, Э.Ч. Хьюза и др.

Хьюз глубже, чем Вирт, *встроил схему соотнесения Парка в модели и понятия, предназначенные для эмпирических исследований*. В аналитической форме он ее не эксплицировал, полагая, что она уже есть и должна быть «интернализированной, но не совсем уж в бессознательное», дабы её в случае нужды можно было «извлечь наружу волевым усилием» [55, р. vi]. Заданную аналитической схемой Парка многомерность Хьюз инкорпорировал в собственную общую модель, «интерпретативную институциональную экологию» [50–52], *составленную из синтетических понятий, реферирующих к конкретным образованиям, а не к аналитическим идеям*. В основание этой модели он положил понятие «институт», обозначавшее все более или менее устойчивые конфигурации взаимодействий. Относясь к эмпирическим единицам, оно наполнялось содержаниями, находившимися во всем спектре от экологических до социально-психологических [22–24, 26, 29, 55]. Таким же многомерным наполнением характеризовался весь хьюзовский понятийный аппарат описания институтов. «Институт» как базовая единица изучения, в отличие от «сообщества», не имел первичной территориальной коннотации; экологические аспекты рассматривались как переплетающиеся в институте с другими его аспектами и не имеющие перед ними никаких онтологических преимуществ [54, р. 47]; экологический детерминизм решительно отвергался. *Экологическая перспектива была встроена в социологию Хьюза как экология институтов*. Институты рассматривались как втянутые в разделение труда, пространственно сталкивающиеся в разных средах, борющиеся за выживание и образующие иерархии доминирования²⁶. Эти фокусировки экологического интереса отличались и от виртовских, и от парковских.

При той многомерности, которую по-разному сохраняли Вирт и Хьюз, социология оставалась одновременно объяснительной и понимающей наукой, а человеческая экология, даже при признании за ней статуса отдельной дисциплины, не наделялась способностью объяснять социальную жизнь во всей ее полноте.

Редукционистская стратегия в развитии человеческой экологии

Другая линия развития чикагской социологии, состоявшая в разработке человеческой экологии как автономной дисциплины, строилась на редукции многомерности, заложенной в схеме соотнесения Парка. Отправной точкой для неё было закрытие границы между человеческой экологией и другими вплетенными в социологию перспективами. Здесь важны такие фигуры, как Р. Маккензи, Дж. Куинн

²⁶ Об экологическом аспекте в социологии Хьюза подробно см. [11].

и Э. Хоули. Преемственность в этом случае хорошо документирована: Маккензи и Куинн учились в Чикаго у Парка; Маккензи в 1920-е гг. сотрудничал с Парком; Хоули учился у Куинна и у Маккензи, сменил последнего на преподавательском посту и, хотя никогда не работал в Чикаго, испытал влияние чикагцев в начале карьеры и позднее с ними сотрудничал [34, р. 49, 55; 36, р. 874; 40; 43, р. 329; 44, р. v–vi; 46, р. 2–3; 78, р. 210].

Хотя эта линия в человеческой экологии конвенционально признана ее «систематической презентацией» [58, р. 14], она развилась за счет отказа от парковской диалектики, «сущностно чуждой американскому академическому стилю» [59, р. 243], и реализовала потенциал «натурализации» [56, р. 136], логически гарантированный этим отказом. Парковские диалектические пары стали дихотомиями: объективное отделилось от субъективного, структура от поведения/действия, коллективное от индивидуального, макро от микро, объяснение от понимания. Интерес устойчиво сместился в сторону объективного, структуры, равновесия, приспособления, холизма, «системной» образности и лексики, функционализма, объяснения. Превращение наиболее объективистской стороны парковской социологии в самодостаточный центр социологической работы очистило эту работу от «понимающих» методов и процедур: субъективное, индивидуальное, действие и «микро» были собраны в один кластер и вынесены за скобки. Человеческая экология из перспективы превратилась сначала в дисциплину, а затем (у Хоули) — в «парадигму».

Родерик Д. Маккензи: человеческая экология как дисциплина

Маккензи развивал человеческую экологию как *отдельную дисциплину*, как автономную область «систематического и научного знания», сопоставимую «по точности наблюдения или методу анализа» с растительной и животной экологией [7, с. 136]. Результатом его усилий стали более четкая, чем у Парка, проработка понятийного аппарата человеческой экологии [5, 7], а также ее первое «формальное определение» [75, р. 161] как «исследования пространственных и временных отношений между людьми, складывающихся под воздействием сил среды, связанных с отбором, территориальным распределением и аккомодацией» [7, с. 137]. Хотя Маккензи включал в свое определение не только пространственные отношения, но и «отношения по поводу жизнеобеспечения» [5], особый акцент делался на первых, и в этой урезанной форме (как изучения *пространственных распределений*) его определение вошло в анналы [43, р. 329; 75, р. 161, 164; 76, р. 193].

Отграничение человеческой экологии от остальной социологии было неполным. Она стала законной *специализацией* в ее рамках, но не наделялась автономной объяснительной силой, оставаясь помещенной

в широкий каркас пресуппозиций Парка: «физическая структура и культурные характеристики» общества трактовались как «части одного комплекса», изучаемые человеческой экологией связи — как «реакция на комбинированное действие сил среды и культуры» [5, с. 174], человеческая природа, институты, культура, нравы, установки, групповое сознание — как зависимые от экологической структуры, явленной в пространственных распределениях [7, с. 137–138, 152]; к «факторам», влияющим на пространственные распределения, причислялись географические, экономические, технологические, культурные, политические и административные факторы [5, с. 178]; влияние экологических отношений на социальные трактовалось как «определяющее и ограничивающее», но не детерминирующее [5, с. 179]. Развивая человеческую экологию как особую дисциплину *на фоне многомерной схемы Парка*, Маккензи внес в эту схему ряд неизбежных при его целях разрывов, приведших к тому, что связи между ее компонентами стали *не диалектическими, а механическими*. Размежевание социальных наук сопровождалось размежеванием аспектов и релокализацией научной работы внутри размежеванных областей; при растасовке «аспектов» парковского синтетического целого по разным дисциплинам само это целое и конституирующие его связи уже не схватывались ни одной из образующихся дисциплинарных точек зрения, т. е. выводились из рассмотрения. Разрушение диалектики влекло трансформацию синтетической конкретности социальной жизни в аналитически целесообразную дискретность, переход к мышлению в терминах «факторов»²⁷, утрату чувствительности к процессуальной тематике. Эти свойства отличают все объективистские версии человеческой экологии. На уровне языковых средств они закрепились в особой форме высказываний: «транспорт возвестил», «транспорт рождает», «высокие тарифы заставляют», «услуги черпают выгоду из» и т. п. Такое описание связей в социальном мире было не просто риторической релокацией «мотивов» из действующих лиц в «факторы» и иного рода сущности; оно было проявлением *бихевиористской теоретической логики*, адекватной тому сектору социальной жизни, который отводился экологии в схеме Парка, но пока еще ограниченной этим сектором, утверждаемым в качестве особой области изучения²⁸. Этот сдвиг в дискурсе гармонировал с ориентацией

²⁷ В письме Парку Маккензи ставит перед человеческой экологией задачу интерпретировать «факты распределения и аккомодации в терминах факторов или процессов» (цит. по [34, р. 55]).

²⁸ У Маккензи человеческую экологию не интересуют индивид, ментальное и действие; он определяет ее без «всякой референции к когнитивному уровню событий» [43, р. 329]. Но, по словам К. Бёрка, «натуралистическая терминология, изымая из конечного основания мотивов

на математическое измерение связей [5, с. 187], характерной для объективистской модели познания.

Добавим, что Маккензи отграничил человеческую экологию не только от социальных наук (прежде всего смежных, таких, как география и экономика [5, с. 174–175]), но и от биоэкологии. Обосновывая ее отличие от растительной и животной экологии, Маккензи указывал на отличия человека от других видов организмов, прежде всего «мобильность» и «целесолагание». Между тем, отстаивая самостоятельный статус этой дисциплины среди социальных наук и специфику ее взгляда, Маккензи ссылаясь уже не на отличия, а на сходства человека с другими организмами [7, с. 138]. *Таким образом, Маккензи конституировал человеческую экологию как отдельную дисциплину, построенную на объективистских и бихевиористских посылах, изъясая ее из той многомерной социологии, за которую ратовал Парк.*

Джеймс Куинн: человеческая экология — междисциплинарная наука

На рубеже 1930–1940-х гг. Дж. Куинн опубликовал серию статей [73–76], где попытался внести порядок в «терминологический Вавилон» [73, р. 713], в который к этому времени превратилась человеческая экология, и дать собственное ее видение. Проясняя её статус, Куинн использовал *двойственную стратегию*.

С одной стороны, он, как и Маккензи, соотносил ее статус с общей многомерной пресуппозиционной матрицей, которую развил Парк; у него эта соотнесенность даже более эксплицитна, чем у Маккензи. В этом отношении человеческая экология рассматривалась как предельно широкая точка зрения, исходящая из особого интереса к «приспособительным связям» человека со средой [53, р. 146], но изучающая конкретные вещи (например, сообщества или пространственные распределения) *синтетически*, т. е. принимая во внимание все аспекты социальной жизни — «политическую структуру», «социальную структуру», «культурную организацию», «социальные узы и предрассудки», «эстетические соображения», «желания», «знания», «значения», «уникальные опыты взаимодействия», «ошибки в человеческих суждениях» и т. д. и т. п. [53, р. 146; 74, р. 148–149, 156; 75, р. 167]. Для полного объяснения конкретного явления Куинн считал необходимым такой *многомерный* взгляд [53, р. 147]. В этом синтетическом определении человеческая экология трактовалась как *пограничная наука*, пересекающаяся с рядом специальных дисциплин и не

принципы личности и действия, последовательно ведет к идеалам определения, растворяющим личность и ее действия, соответственно, в деперсонализации и движении» [1 (3), с. 157]. Маккензи настолько разошелся в своих посылах с Парком, что задуманная ими совместная книга о человеческой экологии так и не была написана [34, р. 49, 55].

укладывающаяся целиком ни в одну из них, в том числе и в социологию [53, р. 147; 73, р. 718–719]. Куинн пользовался этим определением в основном в спорах с теми оппонентами, которые упрекали его в редукционизме²⁹.

С другой стороны, он квалифицировал это синтетическое определение как «логическое» [53, р. 146] и писал о невозможности использовать его на практике, в том числе в социологии: «Концепция человеческой экологии как широкого всеохватного синтеза имеет мало ценности для социологии... [ибо не помогает] в определении человеческой экологии как специализированной науки» [75, р. 162]. Для практических нужд Куинн использовал *стратегию аналитического определения*, состоявшую в конституировании специальных дисциплин путем выделения «отличительных абстракций», упрощающих «сложную реальность» и делающих ее *практически* доступной для изучения [75, р. 165]. Применяя эту стратегию, он вычленил в человеческой экологии *социологический* сегмент, выделил в качестве его отличительных абстракций «экологическое взаимодействие» и «экологическую структуру», назвал его «*интеракционной экологией*» и определил как «специализированную область социологического анализа, исследующую (1) те безличные субсоциальные аспекты коммунальной структуры — пространственные и функциональные, — которые возникают и изменяются в результате взаимодействия между людьми, опосредованного ограниченными ресурсами среды, и (2) природу и формы процессов, посредством которых субсоциальная структура возникает и изменяется» [75, р. 167]. В ведении интеракционной экологии оказывались *субсоциальные* аспекты связей между людьми, или социальной организации [43, р. 329]. Ее задачей было не просто описание, а объяснение [76, р. 163]. Однако, в силу аналитически заданной ограниченности, любые объяснения, которые она могла дать, неизбежно были неполными, поскольку зависели от «нейтрализации» дисциплинарно нерелевантных аспектов реальности путем перевода их в разряд «констант», или «прочих равных условий» [53, р. 147]; примером служит ограниченная объяснительная сила «гипотезы медианного положения» [74, (особенно) р. 149, 156]. Исследования, учитывающие наряду с экологическими аспектами человеческой жизни социальные, Куинн считал «пограничными» для интеракционной экологии и не относящимися к ней как таковой [53, р. 147; 75, р. 167–168].

²⁹ Так, он писал, что «любой намек на то, что человеческая экология имеет дело с не-культурными... аспектами человеческого сообщества, неверен и вводит в заблуждение» и что «большинство экологических связей между людьми с необходимостью заключают в себе культуру» [53, р. 146].

Парковская стратегия конституирования эмпирической социальной науки у Куинна перевернута: у Парка практически значимы ее синтетические определения, а у Куинна — аналитические. *Мир социальных наук оказывается на практике комплектом специализированных дисциплин, изучающих особые дискретные аспекты, не связываемые внутри исследовательского процесса. Человеческая экология как эмпирическая дисциплина, прикрытая у Куинна признанием многомерности человеческого социального мира, оказывается изнутри не многомерной; она изучает общество в отобранном аспекте так, как если бы других аспектов не было*³⁰.

Эймс Хоули: человеческая экология как социологическая парадигма

Начало научной карьеры Э. Хоули и его первые программные работы [40, 44] пришлось на время, когда право человеческой экологии на статус самостоятельной дисциплины — во многом благодаря его учителям — уже не нуждалось в обосновании. Споры велись теперь о другом: о её содержании, масштабах объяснительных притязаний, границах и связях с другими дисциплинами. Оставалась нерешенной задача её систематизации. В 1950 г. одновременно и под одинаковым названием «Человеческая экология» вышли книги Куинна и Хоули, нацеленные на решение этой задачи. Обе вызвали широкое обсуждение, и версия Хоули, одержав верх, стала с тех пор наиболее авторитетной. Отмечается, что он «более чем кто-либо определил структуру современной человеческой экологии» [28, р. 106].

В центр внимания Хоули поставил изучение *социальной организации* как свойства *популяции*, приспособляющейся к *среде* [43, р. 330]. Вначале он определял человеческую экологию как «изучение развития и формы структуры сообщества, как она проявляется в разных средовых контекстах», или как «изучение морфологии коллективной жизни в ее статическом и динамическом аспектах» [40, р. 404, 403]. В поздних работах он отказался от термина «сообщество» как слишком узкого в пользу терминов «организация» и «социальная система» [41, 42, 46, 47]. Развивая дисциплину, он очистил ее от некоторых старых понятий (например, «экологическое взаимодействие» и «конкуренция»), интересов (таких, как «пространственные распределения») и методов (таких, как картографические) и ввел ряд новых понятий (например, «комменсализм», «корпоративные группы», «категориальные группы»). По мере развития рафинировались все ее

³⁰ Добавим, что Куинн так и не создал оригинального образца эмпирического экологического исследования, эквивалентного его методологической программе. У Вирга, Хьюза и Хоули, в отличие от него, такие образцы были.

компоненты. Результатом этой работы стала основательно квантифицированная «макроскопическая... точка зрения, свободная от всякого психологического багажа» [46, р. 2].

Хоули в каком-то смысле довершил построение человеческой экологии как отдельной натуралистически ориентированной области знания, начатое Маккензи и Куинном, однако сделал это путем *радикального разрыва с еще сохранявшейся у них в полуразрушенном виде схемой соотношения Парка и пересадки человеческой экологии на новый пресуппозиционный фундамент, сильно отличающийся от парковского*. Первый шаг в этой трансформации был взят в готовом виде у предшественников: отличия человека от других организмов стали основанием для особого статуса человеческой экологии в структуре экологии, а сходства с ними — основанием для ее особого статуса в структуре социально-научного знания [28, р. 106; 40, р. 404; 44, р. 7, 57–58]. Последующие шаги Хоули были явными инновациями. Отличие человека от других организмов было истолковано как «количественное», а не «качественное», «в степени, а не по типу» [44, р. 25, 58, 69]³¹. Подчеркивание «фундаментального единства живой природы» позволило Хоули утверждать, что человеческая экология не извлекла самое важное из своей связи с общей экологией [46, р. 3], что многие ее трудности вызваны именно «изоляцией... от мейнстрима экологической мысли» [40, р. 399] и что надо восстановить ее «концептуальную преемственность с растительной и животной экологиями» и «тесную рабочую связь» с биоэкологией [40, р. 399; 43, р. 329]. Исходя из этого, Хоули вывел человеческую экологию из старого пресуппозиционного контекста и пересадил в новый, с его точки зрения, более продуктивный: им стал *набор общих пресуппозиций биоэкологии* [40, р. 403–405; 44, р. 11–74]. Так человеческая экология обрела статус «особого приложения общей точки зрения [экологии] к особому классу живых существ» [40, р. 404; 44, р. 68], «специализации внутри более широкой области экологии», которую «можно понять, лишь рассматривая ее на фоне этой родительской дисциплины» [44, р. 66]. Последним шагом в трансформации стал тезис, что экология вообще не биологическая, а «в основе своей социальная наука» [40, р. 399] и что человеческая экология, являющаяся ее «логическим довершением» [40, р. 404], — это социологическая наука, работающая с «центральной проблемой социологии, а именно развитием и организацией сообщества» [44, р. 73]. *Итак, человеческая экология получила у Хоули новые, гораздо более узкие, чем предложенные Парком, основания, сохранив*

³¹ Этот аргумент был представлен в самой крайней форме. По Хоули, способы поведения людей «в принципе идентичны тяге пчел к меду, гнездостроительным деятельности птиц и охотничьим привычкам плоядных» [40, р. 404].

за собой при этом предположительно полноценный социологический статус.

Многомерность схемы Парка редуцируется у Хоули по целому ряду параметров. Редукции обосновываются как онтологически, так и методологически; эти два типа обоснований четко не разграничены. *Человек сводится к «живому организму»* [40, р. 404; 44, р. 3, 8, 68]; «личность» и всё «ментальное», «когнитивное», «интроспективное» выносятся за скобки как несущественные для экологического анализа и не поддающиеся наблюдению и измерению [40, р. 400–401; 43, р. 329; 44, р. 179–180; 46, р. 2, 7]. Различие между осознанным и неосознаваемым трактуется как ненаблюдаемое [40, р. 400], что дает основание вынести его (вместе с сознанием) за скобки. *Деятельность сводится к «приспособлению», «аккомодации» или «адаптации» организмов к среде* [39, р. 629; 40, р. 403; 41, р. 1197; 44, р. 3, 6, 16; 48, р. 13]; при этом элиминируется такой важный для прагматизма аспект поведенческой связи человека со средой, как ее конструирование. Поведение человека берется в сугубо внешнем, функциональном аспекте [40, р. 404]; тематика «установок» и «мотиваций» элиминируется [41, р. 1199; 44, р. 179]. Постулируется, что изменения в деятельности имеют «внешний источник» [42, р. 912; 83, р. 243–246], т. е. являются реакциями на условия среды. Среда понимается как «биофизическая среда» и «социо-культурно-экономико-политический мир» [46, р. 9]; последний, однако, берется в таком же редуцированном внешнем аспекте, что и поведение; так, «культура» сводится к поведению, поведение — к технологии, технология — к приспособлению [40, р. 404; 44, р. 57–60, 69]. Социальная адаптация приравнивается к биологической [28, р. 106]. Антиментализм и акцентирование реактивно-приспособительного поведения сближает подход Хоули с бихевиористским видением человеческой природы и человеческого действия [57; 63; 83, р. 245–246].

Между тем, в отличие от психологического бихевиоризма, Хоули видит в приспособлении по природе своей «коллективный феномен» [40, р. 403; 41, р. 1197–1198; 44, р. 31, 66; 46, р. 3; 48, р. 13]. Поэтому в качестве единицы наблюдения берется популяция [40, р. 403–404; 41, р. 1197; 44, р. 31, 67]; «индивид» выносится за рамки рассмотрения [44, р. 18–19, 29, 31, 67, 206–207; 46, р. 4–6], а в крайних случаях вообще трактуется как «фикция»³². *Человеческая социальная жизнь в*

³² В одном из поздних текстов Хоули пишет: «организация предшествует индивиду. Всё говорит в пользу того, что нет никакой индивидуальной жизни — будь то клетки, органа или организма — отдельно от организации... Вроде бы неосознаемый характер организации и кажущаяся субстанциональность индивида одинаково вводят в заблуждение... Отдельный индивид — аналитическая фикция, хотя и очень полезная» [46, р. 4].

схеме соотнесения Хоули сводится к коллективному ее аспекту. Применительно к ней он требует *холистического* подхода [42, р. 908; 44, р. 50; 48, р. 17]. Это мир «популяций», «сообществ», «организаций», «систем», погруженных в среду, приспосабливающихся к ней и борющихся за существование. Этот *коллективный мир, очищенный от ментальных содержаний*, трактуется, на манер Дюркгейма, как реальность *sui generis*³³. Организация как коллективное приспособление популяции к среде наделяется «первичностью» по отношению к индивидам [46, р. 7], трактуется как нечто, «существующее независимо от отдельных индивидов, живущих в любое данное время» [44, р. 206]; она описывается как образующаяся из двух типов групп, «корпоративных» и «категориальных», соответствующих двум типам экологической взаимосвязи, «симбиозу» (связи на основе различий) и «комменсализму» (связи на основе сходств), аналогичных «органическому» и «механическому» типам солидарности [43, р. 329–332; 44, р. 34–41, 209–233; 46, р. 8–9]; поскольку переменные, попадающие в экологические объяснения, отбираются согласно пресуппозиционно заданным критериям, постольку в каком-то смысле эти объяснения отвечают дюркгеймовскому правилу объяснения [79, р. 136]. Как справедливо отмечает Л. Шнор, подобный подход изучает структуру сообщества, «избегая дюркгеймовского более широкого интереса к обществу» [80, р. 629]. Иначе говоря, сфера экологического изолируется от всего иного, что есть в обществе, и объяснения такой человеческой экологии, закрытые для вхождения иных типов фактов, обладают пресуппозиционно гарантированной ограниченностью и самодостаточностью [83, р. 243–244].

Элиминация ментального имеет и другие важные импликации. Хоули сводит ментальное к индивидуальному [41, р. 1199; 44, р. 179]. Хотя до конца 1960-х гг. он иногда заводит речь о коллективных ментальных фактах³⁴, в поздних работах эта редукция доводится им до конца, что связано с окончательным избавлением от влияния той исходной (парковской) схемы соотнесения, к которой человеческая экология от рождения была привязана. Эта редукция позволяет Хоули исключить изучение ментальных фактов из социологии как науки о «коллективном» и отнести его к сфере «микро», где он локализует психологию, в том числе социальную. *Человеческая экология, в свою очередь, безоговорочно относится к сфере «макро»* [42, р. 904, 908,

³³ Наиболее явно эту сторону работы Хоули акцентирует Л. Шнор [79; 80]. Также на это сходство по форме указывает Р. Эгню [28, р. 108].

³⁴ Так, говорится о «психологических аналогах симбиоза и комменсализма» [40, р. 404; 44, р. 180], «психологической и моральной интеграции наряду с функциональной» [40, р. 404; 44, р. 73], «ценностных системах» [44, р. 73], «нормативном порядке» [43, р. 337].

913; 46, р. 1, 2, 4, 7, 13; 78, р. 211]. Отщепление «макро» от «микро», внешнего поведения от ментальных состояний, «макросоциологии» от «психологии», чуждое парковской диалектике, имело логическим следствием лишение символического интеракционизма (важного компонента ранней чикагской социологии) — а также других социологий, учитывающих ментальные аспекты социальной жизни, — законных претензий на социологические объяснения³⁵. Кроме того, изменился смысл ряда понятий, доставшихся Хоули в наследство от его учителей. Например, способность к «согласованному действию», которая у Парка трактовалась интеракционистски, через «коммуникацию», «интерпретацию», «консенсус» и т. д. [66; 70], у Хоули приравнивается к слаженному функционированию дифференцированной популяции в среде [42, р. 906; 48, р. 13].

Такой же редукции подвергается у Хоули и центральное для его человеческой экологии понятие *социальной организации* [44, р. 177]³⁶. «Социальная организация» очищается от всех черт, вытекающих из своеобразия человеческой природы и связанных с сознанием, осмысленным действием, определениями ситуаций, коллективными представлениями и чувствами, ценностями и т. д. Соответственно, объяснительные притязания *de facto* предъявляются на социальную организацию, которая истолковывается весьма узко — как «функциональная интеграция» [40, р. 403], «экологическая организация» [44, р. 182], «функциональный порядок» [43, р. 337], — но преподносится в качестве «центрального интереса» социологии³⁷. Итак, *в фокусе человеческой экологии у Хоули оказывается видение социального порядка, существенно урезанное по сравнению с более многомерными его пониманиями.*

Социальная организация редуцируется еще и по другому основанию. В исходном смысле она предполагает структурный и процессуальный

³⁵ Так, Хоули в 1992 г. вспоминал, что, читая в студенческие годы труды Кули и Мида, «не узнал ничего полезного о коллективной жизни» [46, р. 2]. Говоря о своем стойком отвращении к «философским спекуляциям» в социологии, он имел в виду, среди прочего, и интеракционизм. Так, следствием ненаблюдаемости «внутренних процессов» он считал неизбежное превращение науки, построенной на понятии взаимодействия, в «не более чем созерцание понятия»; таков, на его взгляд, «сухой остаток интеракционной теории вообще, насколько ею пользуются социологи» [40, р. 401]. П. Росси особо отмечал стремление приверженцев человеческой экологии «выдворить бихевиоралистов (социальных психологов) из социологического братства» [77, р. 148].

³⁶ В чикагской традиции оно по сути тождественно понятию *социального порядка*.

³⁷ Суть этой ограниченности видна в словах О.Д. Данкена и Л. Шнора о том, что «у популяции нет сенсориума и, следовательно, разума, ценностей, установок и целей» [33, р. 152].

аспекты. Последний, однако, незаметно из нее изымается. Хотя Хоули часто и немало говорит об изучении динамической стороны социальной организации и даже в поздней работе подчеркивает, что «человеческое общество... пребывает в постоянном потоке» [48, р. 17], *социальная организация у него, начиная с ранних работ, последовательно сводится к структуре*. Это достигается с помощью нескольких взаимосвязанных переакцентировок. Если у Парка равновесие и неравновесие были представлены относительно соразмерно, то Хоули берет в качестве точки отсчета *допущение равновесия* и отводит ему «центральную роль» в экологической схеме анализа [40, р. 403; 43, р. 329–331; 47, р. 789]. Оно становится «отправной точкой для анализа порождающих изменение факторов» [42, р. 909] примерно так же, как у Парсонса структурный анализ предшествует анализу социальных процессов и изменений как его условие. Такое *существенное смещение интереса в сторону статики* поддерживается у Хоули отсоединением понятия процесса от понятия поведения/действия. Если у Парка процессуальная сторона социальной жизни тесно связывается с действием/взаимодействием в текущих ситуациях, то у Хоули этой связи нет: в поле зрения включаются только экологические процессы, коллективные и безличные по определению; их носителями являются системы, а не акторы; и описание этих процессов дается в терминах изменения компонентов систем, коими являются не поведения как таковые, а «поведенческие паттерны». При таком подходе процессуальность сводится к «морфологическим изменениям» и «проблемам развития» [43, р. 330–331], социальная организация сводится к структуре, и задачей человеческой экологии оказывается изучение «паттерна, или паттернов, которые принимает человеческая организация» [44, р. 177; 40, р. 403]. *Динамическая сторона предмета выпадает из поля зрения; социальный порядок видится через призму статики и равновесия*³⁸.

Новым пресуппозиционным основаниям соответствуют типы данных и методы, которыми человеческая экология, согласно Хоули, может законно пользоваться в эмпирических исследованиях. К типам данных предъявляются два основных требования. Во-первых,

³⁸ В разные годы Хоули предлагал разные аргументы в пользу такого смещения. В 1950 г. он утверждал, что нет большой разницы между тем, «являются ли группирования дискретными вещами или подвижными паттернами» [44, р. 220]. В 1992 г. он предложил отказаться от понятия эмерджентности, аргументируя это тем, что рост сложности системы сводится к появлению новых функций и подразделений и усложнению связей между ними и что «ни функциональное подразделение, ни добавленные связи не являются новыми качествами... Скорее это расширение того, что уже есть» [46, р. 7].

из использования в качестве «единицы изучения» популяции вытекает требование ограничиваться «данными, относящимися к факторам, внешним для индивида» [53, р. 155]. Во-вторых, данные должны быть количественными, выраженными в форме дискретных переменных, поддающимися математическому анализу, «как это делается во всех научных исследованиях»; всякая «интуиция» отвергается, и человеческая экология стремится к соответствию самым строгим сциентистским образцам [41, р. 1196; 46, р. 7]. Едва ли не единственным типом данных, проходящим через эти фильтры, оказывается всевозможного рода статистика, прежде всего данные переписей; среди методов безраздельно преобладают статистические (корреляционный, факторный и т. д.) [53, р. 155; 78, р. 215]. Данные качественного типа, которые еще встречаются у Маккензи в раннем образцовом экологическом исследовании Колумбуса [61], в текстах Хоули не используются никогда; для его эмпирических публикаций (из полутора сотен работ, написанных им, большинство эмпирические) характерно обилие цифр, таблиц, графиков, диаграмм и т. п. Такие качественные методы, характерные для других чикагцев, как case-study, биографический метод, анализ личных документов, этнографическое наблюдение, интервью и т. п., отсеиваются как неприемлемые для того типа исследования, который он отстаивал. Выпадают из арсенала методов и выборочные опросы [78, р. 212], ведь субъективные мнения индивидов изначально признаются несущественными для изучаемых человеческой экологией фактов³⁹. Следует отметить, что *отбор типов данных и методов у Хоули вполне гармонирует с его пресуппозициями относительно человеческой природы, принижаящими ее своеобразие.*

Интересно, что человеческая экология, вроде бы опирающаяся у Хоули всецело на *наблюдаемые* стороны поведения, *категорически не нуждается ни в каких наблюдениях в собственном смысле слова.* Последние заменяются подбором релевантной статистической информации. Человеческая экология контактирует с эмпирическим миром не напрямую, а только косвенно — через статистику, и природа этих данных (в том числе учетных категорий) никогда не проблематизируется; статистические данные берутся как объективные, как если бы они производились без субъективного человеческого вмешательства [83, р. 246–247]. Отказ от наблюдения изучаемого мира в исследовательской практике и выведение частных, ситуационных, конкретных, процессуальных его деталей из сферы внимания [53, р. 155] в рамках принимаемых посылок гарантируют, что человеческая экология в

³⁹ В формулировке О.Д. Данкена и Л. Шнора, «личная точка зрения индивида как таковая не представляет для экологии никакого интереса» [33, р. 142].

версии Хоули в принципе не будет схватывать и объяснять «мир событий», составляющий для людей — согласно Парку и Миду — их подлинную переживаемую реальность. От человеческой экологии это, согласно Хоули, и не требуется: она изначально отказывается от понимания. *Человеческая экология не является понимающей наукой. Она — наука объясняющая.*

Правда, представления Хоули о масштабе ее объяснительных возможностей биографически менялись. Если в ранних работах, где в остаточном виде сохранялось многомерное видение общества, доставшееся ему в наследство от учителей, ее объяснительная сила ограничивалась [40, р. 404; 43, р. 336–337; 44, р. 73–74, 180; 53, р. 155] и ее задачи попеременно определялись то как описательные [40, р. 404; 44, р. 73, 53, р. 155], то как объяснительные [42, р. 914; 44, р. 149; 53, р. 155], то в поздних работах речь шла уже только об объяснении, а притязания росли. В 1975 г. Хоули писал, что к человеческой экологии обращается тот, кто хочет «быть уверенным, что он попытался учесть *все релевантные факторы* [курсив наш. — В.Н.], работающие в данной ситуации, а не только те немногие, которые ему интересны» [48, р. 17]⁴⁰.

Параллельно менялось и определение статуса этой области знания. Если сначала Хоули называл ее «дисциплиной» [40, р. 399; 44, р. 5, 10], «специальной областью изучения» [44, р. 68] и просто «наукой» [40, р. 402], то позднее стали фигурировать такие двусмысленные обозначения, как «точка зрения» [44, р. 6, 66, 77] или «подход в социальной науке» [43, р. 337]. Наконец, в поздних работах она была наделена статусом «парадигмы» [42, р. 904, 905; 46, р. 4]. В 1992 г. Хоули констатировал: «Человеческая экология занимает свое место как одна из нескольких парадигм во вместительном поле социологии» [46, р. 4]. Так *специализированная социологическая дисциплина превратилась в социологию вообще — но с оставлением тех пресуппозиций, которые были разработаны для нее исходя из ее дисциплинарной автономии и за счет отказа от более многомерной социологической схемы соотношения, в рамках которой начиналась легитимация её как научного знания.* В таком качестве человеческая экология Хоули

⁴⁰ Возможность тотализации экологического подхода (экологического «империализма») присутствовала в работах Хоули с самого начала. Уже в 1944 г. он писал, что «проблема, с которой она [человеческая экология] имеет дело, лежит в основе проблем каждой из нескольких специализированных наук о человеческой социальной жизни» [40, р. 405]. Он называл человеческую экологию «базовой социальной наукой» [40, р. 405], «синтетической социальной наукой» [41, р. 1200]. Тенденцию человеческой экологии к «империализму» отмечал ещё в 1959 г. П. Росси [77, р. 147].

вышла на рынок социологических парадигм, где встретилась, в частности, с символическим интеракционизмом Блумера, который точно так же выделился из парковской многомерной матрицы, но только на другом — интеракционистском — ее полюсе.

Заключение

На примере чикагских социологий мы показали, как изменения в presuppositional основаниях сопровождаются перестройкой всех других элементов социологического знания и как одни социологии превращаются при этом в другие. Этот анализ не нацелен на критику; в нем нет попыток проверить обсуждаемые теории на внутреннюю устойчивость и согласованность; он сугубо структурный. Никаких предпочтений в пользу той или иной разновидности чикагской социологии он не предполагает, кроме одной: было показано, что социология Парка может рассматриваться как своего рода центр, в соотношении с которым выстроены различные варианты чикагской социологической работы, по крайней мере, в экологическом ее секторе. Внутренние связи того, что называется «Чикагской школой» или «чикагской социологической традицией», в предложенном здесь ракурсе ранее не рассматривались.

В более широком плане этот анализ позволяет прояснить важные стороны исторического развития социологии и природы наших научных занятий. Мы показали, что разные степени многомерности, заложенные в основания социологического познания, продуцируют разные эмпирические социологии. Любое научное познание держится на редукции сложности, и никаких готовых ответов на вопрос о том, на какой ступени редукции лучше остановиться, нет. Многомерные социологии имеют свои слабости и достоинства; свои слабости и достоинства есть и у редукционистских социологий. Никакого превосходства большей многомерности над меньшей проведенный анализ не предполагает. В зависимости от предпочтений, любой из рассмотренных вариантов социологии может быть оценен как лучший или худший по сравнению с другими. Однако вынесение такого рода оценок не отменяет тех соотношений между ними, которые были здесь установлены.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бёрк К.* Грамматика мотивов (избранные главы) // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2006. № 2. С. 140–172; № 3. С. 132–164; № 4. С. 126–163.
2. *Вирт Л.* Гетто (главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2005. № 1. С. 126–156; № 2. С. 114–143.
3. *Вирт Л.* Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005.

4. Зорбо Х.У. Золотой Берег и трущобы (избранные главы) // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2004. № 3. С. 115–154; № 4. С. 140–178.
5. Маккензи Р.Д. Область человеческой экологии // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V. Вып. 3–4. С. 174–188.
6. Маккензи Р.Д. Понятие господства и организация мира // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 3. С. 79–95.
7. Маккензи Р.Д. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2000. № 4. С. 136–152.
8. Николаев В.Г. Неопарсонсианство 80-х годов XX века: Дж. Александер // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. VIII. Вып. 2. С. 219–235; Вып. 4. С. 180–206.
9. Николаев В.Г. Неопарсонсианство 80-х годов XX века: Рихард Мюнх // Личность. Культура. Общество. Т. IX. Спец. вып. 2. С. 25–57.
10. Николаев В.Г. Очерки Луиса Вирта по теоретической социологии // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. VIII. Вып. 2. С. 11–20.
11. Николаев В.Г. Экологический аспект в социологии Э.Ч. Хьюза // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 2. № 48–49.
12. Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2000. № 3. С. 136–150.
13. Парк Р.Э. Конкуренция. Конфликт. Аккомодация. Ассимиляция // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 390–421.
14. Парк Р.Э. Личность и культурный конфликт // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 175–191.
15. Парк Р.Э. Новость как форма знания // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2002. № 1. С. 96–115.
16. Парк Р.Э. Понятие социальной дистанции // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 192–197.
17. Парк Р.Э. Современное общество // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 4. С. 144–164.
18. Парк Р.Э. Физика и общество // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 1997. № 4. С. 135–157.
19. Парк Р.Э. Человеческая природа и коллективное поведение // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 1997. № 4. С. 126–135.
20. Парк Р.Э. Экология человека // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 374–390.
21. Парсонс Т. Структура социального действия // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. С. 43–328.

22. Хьюз Э.Ч. Изучение институтов // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2003. № 4. С. 118–126.
23. Хьюз Э.Ч. Институты // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2004. № 1. С. 133–159; № 2. С. 129–165.
24. Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2003. № 4. С. 127–138.
25. Хьюз Э.Ч. Исследование занятий // Социология сегодня: Проблемы и перспективы. М.: Прогресс, 1965. С. 493–515.
26. Хьюз Э.Ч. Работа и человеческое Я // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2003. № 4. С. 138–151.
27. Хьюз Э.Ч. Типы личности и разделение труда // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2005. № 1. С. 156–172.
28. Agnew R. The individual and values in human ecology: An examination of the adaptive processes // Sociological Quarterly. 1981. Vol. 22. No. 1. P. 105–117.
29. Alexander J. Theoretical logic in sociology. Vol. 4: The modern reconstruction of classical thought: Talcott Parsons. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1983.
30. Bendix R. Social theory and social action in the sociology of Louis Wirth // American Journal of Sociology. 1954. Vol. 59. No. 6. P. 523–529.
31. Bulmer M. The Chicago school of sociology: Institutionalization, diversity, and the rise of sociological research. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
32. Catton W.R. Foundations of human ecology // Sociological Perspectives. 1994. Vol. 37. No. 1. P. 75–95.
33. Duncan O.D., Schnore L.F. Cultural, behavioral, and ecological perspectives in the study of social organization // American Journal of Sociology. 1959. Vol. 65. No. 2. P. 132–153.
34. Entrikin J.N. Robert Park's human ecology and human geography // Annals of the Association of American Geographers. 1980. Vol. 70. No. 1. P. 43–58.
35. Faught J. Presuppositions of the Chicago school in the work of Everett C. Hughes // American Sociologist. 1980. Vol. 15. No. 1. P. 72–82.
36. Gaziano E. Ecological metaphors as scientific boundary work: Innovation and authority in interwar sociology and biology // American Journal of Sociology. 1996. Vol. 101. No. 4. P. 874–907.
37. Gettys W.E. Human ecology and social theory // Social Forces. 1940. Vol. 18. No. 4. P. 469–476.
38. Hatt P. The concept of natural area // American Sociological Review. 1946. Vol. 11. No. 4. P. 423–427.
39. Hawley A.H. An ecological study of urban service institutions // American Sociological Review. 1941. Vol. 6. No. 5. P. 629–639.
40. Hawley A.H. Ecology and human ecology // Social Forces. 1944. Vol. 22. No. 4. P. 398–405.

41. *Hawley A.H.* Ecology and population // *Science*. 1973. Vol. 179. No. 4079. P. 1196–1201.
42. *Hawley A.H.* Human ecological and Marxian theories // *American Journal of Sociology*. 1984. Vol. 89. No. 4. P. 904–917.
43. *Hawley A.H.* Human ecology // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 4. New York: Macmillan Company & The Free Press, 1968. P. 328–337.
44. *Hawley A.H.* Human ecology: A theory of community structure. New York: The Ronald Press Company, 1950.
45. *Hawley A.H.* The approach of human ecology to urban areal research // *Scientific Monthly*. 1951. Vol. 73. No. 1. P. 48–49.
46. *Hawley A.H.* The logic of macrosociology // *Annual Review of Sociology*. 1992. Vol. 18. P. 1–14.
47. *Hawley A.H.* The presidential address: Cumulative change in theory and in history // *American Sociological Review*. 1978. Vol. 43. No. 6. P. 787–796.
48. *Hawley A.H.* (ed.) Man and environment. New York: The New York Times Book, 1975.
49. *Helmes-Hayes R.C.* «A Dualistic vision»: Robert Ezra Park and the classical ecological theory of social inequality // *Sociological Quarterly*. 1987. Vol. 28. No. 3. P. 387–409.
50. *Helmes-Hayes R.C.* Everett Hughes: Theorist of the Second Chicago school // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 1998. Vol. 11. No. 4. P. 621–673.
51. *Helmes-Hayes R.C.* The concept of social class: The contribution of Everett Hughes // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2000. Vol. 36. No. 2. P. 127–147.
52. *Helmes-Hayes R.C.* The sociology of going concerns. Everett Hughes' Interpretive Institutional Ecology // *The tradition of the Chicago school of sociology* / Ed. by L. Tomasi. Aldershot etc.: Ashgate, 1998. P. 217–250.
53. *Hollingshead A.B.* Community research: Development and present condition // *American Sociological Review*. 1948. Vol. 13. No. 2. P. 136–156.
54. *Hughes E.C.* Robert E. Park's views on urban society: A comment on William L. Kolb's paper // *Economic Development and Cultural Change*. 1954. Vol. 3. No. 1. Part 1. P. 47–49.
55. *Hughes E.C.* The sociological eye: Selected papers. Chicago: Aldine–Atherton, 1971.
56. *Joas H.* Pragmatism in American sociology // *The Chicago School: Critical assessment* / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. Vol. II. P. 117–152.
57. *Kunkel J.H.* Some behavioral aspects of the ecological approach to social organization // *American Journal of Sociology*. 1967. Vol. 73. No. 1. P. 12–29.
58. *Kurtz L.R.* Evaluating Chicago sociology: A guide to the literature, with an annotated bibliography. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
59. *Lengermann P.M.* Robert E. Park and the theoretical content of Chicago sociology: 1920–1940 // *The Chicago school: Critical assessment*. Vol. II / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 239–255.

60. *Maines D.R., Bridger J.C., Ulmer J.T.* Mythic facts and Park's pragmatism: On predecessor-selection and theorizing in human ecology // *Sociological Quarterly*. 1996. Vol. 37. No. 3. P. 521–549.
61. *McKenzie R.D.* The neighborhood: A study of local life in the city of Columbus, Ohio // *American Journal of Sociology*. 1921–1922. Vol. 27. No. 2. P. 145–168; No. 3. P. 344–363; No. 4. P. 486–509; No. 5. P. 588–610; No. 6. P. 780–799.
62. *McKenzie R.D.* Spatial distance and community organization pattern // *Social Forces*. 1927. Vol. 5. No. 4. P. 623–627.
63. *Michaels J.W.* On the relation between human ecology and behavioral social psychology // *Social Forces*. 1974. Vol. 52. No. 3. P. 313–321.
64. *Münch R.* *Sociological theory*. Vol. III: Development since the 1960s. Chicago: Nelson-Hall Publishers, 1994.
65. *Park R.E.* Methods of teaching: impressions and a verdict // *Social Forces*. 1941. Vol. 20. No. 1. P. 36–46.
66. *Park R.E.* Reflections on communication and culture // *American Journal of Sociology*. 1938. Vol. 44. No. 2. P. 187–205.
67. *Park R.E.* Sociology and the social sciences // *American Journal of Sociology*. 1921. Vol. 26. No. 4. P. 401–424; Vol. 27. No. 1. P. 1–21; No. 2. P. 169–183.
68. *Park R.E.* *Sociology, community and society* // *Park R.E. Human communities. The city and human ecology*. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952. P. 178–209.
69. *Park R.E.* Succession, an ecological concept // *American Sociological Review*. 1936. Vol. 1. No. 2. P. 171–179.
70. *Park R.E.* Symbiosis and socialization: A frame of reference for the study of society // *American Journal of Sociology*. 1939. Vol. 45. No. 1. P. 1–25.
71. *Park R.E.* The city: Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment // *American Journal of Sociology*. 1915. Vol. 20. No. 5. P. 577–612.
72. *Platt J.* *Chicago methods: Reputations and realities* // *The tradition of the Chicago school of sociology* / Ed. by L. Tomasi. Aldershot: Ashgate, 1998. P. 89–104.
73. *Quinn J.A.* Human ecology and interactional ecology // *American Sociological Review*. 1940. Vol. 5. No. 5. P. 713–722.
74. *Quinn J.A.* The hypothesis of median location // *American Sociological Review*. 1943. Vol. 8. No. 2. P. 148–156.
75. *Quinn J.A.* The nature of human ecology – Reexamination and redefinition // *Social Forces*. 1939. Vol. 18. No. 2. P. 161–168.
76. *Quinn J.A.* Topical summary of current literature: Human ecology // *American Journal of Sociology*. 1940. Vol. 46. No. 2. P. 191–226.
77. *Rossi P.H.* Comment // *American Journal of Sociology*. 1959. Vol. 65. No. 2. P. 146–149.

78. *Schnore L.F.* Geography and human ecology // *Economic Geography*. 1961. Vol. 37. No. 3. P. 207–217.
79. *Schnore L.F.* The myth of human ecology // *Sociological Inquiry*. 1961. Spring. P. 128–139.
80. *Schnore L.F.* Social morphology and human ecology // *American Journal of Sociology*. 1958. Vol. 63. No. 6. P. 620–634.
81. *Simpson I.H.* Continuities in the sociology of Everett C. Hughes // *Sociological Quarterly*. 1972. Vol. 13. No. 4. P. 547–559.
82. *Strauss A.* The Chicago tradition's ongoing theory of action/interaction // *The Chicago school: Critical assessment*. Vol. II. / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 172–196.
83. *Willhelm S.M.* The concept of the “ecological complex”: A critique // *American Journal of Economics and Sociology*. 1964. Vol. 23. No. 3. P. 241–248.
84. *Young L.A., England L.J.* One hundred years of methodological research. The example of Chicago // *The tradition of the Chicago school of sociology* / Ed. by L. Tomasi. Aldershot: Ashgate, 1998. P. 129–146.